

Елена КОНДУЛАЙНЕН: «После фильма «Сто дней до приказа» я хотела покончить с собой»

МАРИНА ЛИСАКОВА

кой договор. Вы не почувствовали разочарования?

— Да. Было. Я почувствовала: не угадала. И даже: меня обманули. Я ведь думала, что я такая умная и хитрая, и разочарование — оно прежде всего было в себе. Не усекла момента, и меня как-то так вдруг скрутили, как баранку. И я с этим согласилась — вот что для меня было самое удивительное, такая любовь.

— Расскажите о том, как вы с Сергеем познакомились, как поженились?

— Если только очень немного. Мне кажется, если рассказывать о личной жизни — сглазить можно. Мы познакомились в Одессе на фестивале «Золотой Дюк». Забавно было на самом деле. Я хотела раскрутить его на деньги, а получилось — на всю жизнь. Поженились через 4 месяца. Никто никого в загс не тащил. Все было очень тактично и ненавязчиво. Мне просто сказали: «Лена, неужели мы поженимся?»

— Однажды вы сказали, что если встретите свою судьбу, то уйдете из профессии и будете заниматься домом и детьми. Не получилось?

— Нет. Мне хочется делиться с другими своими мыслями и идеями. Вот, например, думаю: какая у нас скучная жизнь! И иду развлекать. Вот написала три сценария — музыкальные комедии с эротикой. Играю в «Театре Луны» в двух спектаклях.

— У вас два сына — Саша и Миша. Пожалуйста, расскажите, чем они сейчас занимаются.

— Мишечка (сейчас ему четыре года) скоро пойдет в садик. Мы ему хороший нашли, с английским языком, с компьютером. А Саша учится в английской спецшко-

НЕ ТОЛЬКО СЕКС-СИМВОЛ

Марина ЛИСАКОВА

У нее любили брать интервью, потому что знали: Кондулайнен обязательно выдаст что-нибудь этакое. «Завтра на прием надену платье с открытой попой». Иля: «Я ставлю себя в один ряд с Мэрилин Монро. А как же!» Или... Или просто встретит визитера в прозрачном и без белья. Она шокировала, честно играя роль секс-символа. Ей подыгрывали, редко интересовались чем-то за пределами этой роли. Да и о чем еще было с ней говорить? А она играла в театре и кино, без конца сомневаясь, ее ли это, бросала сцену и возвращалась, мечтала родить и воспитать шестерых, писала стихи, страдала, думая, что некрасивая, и жила затворницей, когда так захотел муж.

«Я хотела раскрутить его на деньги, а получилось — на всю жизнь»

— Елена, о вашем муже ходят настоящие легенды. Говорят, что буквально после загса он запретил вам давать интервью, сниматься обнаженной, что он до сих пор прочитывает все ваши роли, прежде чем вы на них согласитесь...

— Это не легенды. Мы с Сергеем заключили такой договор. Еще до загса. И я пошла на это, потому что считаю: он в чем-то прав. Был период, мы сказали «нет» даже друзьям и совершенно закрылись.

— И как долго это продолжалось?

— Два с половиной года.

— Вы ведь поженились в 95-м году, а в конце 94-го заявили одной уважаемой газете: «Встреча с «моим» мужчиной уже состоялась, но я пока не хочу называть его имени — вдруг не получится. Могу сказать только одно: ему нравится мой образ жизни». Предполагаю, это было о Сергее — и вдруг та-

4 года. «Мама говорила мне, что я красивая. А я смотрела в зеркало и думала: «Какой кошмар!»

МК 5 ноября 1999. - 21 нояб. - с. 4-6.

«Не усекала момента, и меня как-то вдруг скрутили, как баранку»

ле, в девятом классе, но пока не решил, кем будет.

— Совсем никаких идей?

— К сожалению, у него, как и у всей молодежи сейчас, одна идея: где бы заработать денег, не работая. Я ему все говорю: Саша, может быть, ты артистом станешь? Потому что вижу: способности у него есть. В фильме «На муромской дорожке» у него была маленькая роль. И он неплохо с ней справился. Но он не хочет. Говорит: «Что ты, мама, артисты так мало зарабатывают». Кстати, я думаю, он прав на самом деле. Мужчина должен приносить в дом деньги.

— Может быть, он мечтает заработать на какую-то вещь, например машину?

— Нет, он хочет просто заработать много денег, «как дядя Сережа»... «Дядя» — потому что Сергей не родной его отец.

— Кстати, чем занимается ваш муж?

— Недвижимость.

— И Саша уже пробовал где-нибудь «заработать много денег»?

— Да, на лето он уезжает к отцу в Ленинград, и тот его пристраивает. Был период, он набивал игрушки. Потом его по благу устроили работать в «Апраксин двор». Хорошие деньги, я вам должна сказать. По-моему, он там даже больше зарабатывает, чем я в театре. Покупает себе одежду — он такой модник!

— С вашим мужем у Саши какие отношения?

— Разные, как, кстати, в любой семье. Во всяком случае, они терпимы друг к другу. А бывают моменты большой любви друг к другу. Вот, например, мой муж замечательно поет и играет на гитаре. И даже когда я собираюсь петь, Саша говорит: «Мама, помолчи, не позорься, давай лучше дядю Сережу послушаем».

— Не жалеете, что у вас нет дочки?

— Жалею, конечно. И боюсь, что девочку мне родить не дано — у нас в семье в основном рождаются мальчишки. У моей бабушки было 11 братьев. Я, кстати, в детстве переживала, что одна, и мечтала: у меня будет шестеро!

«Я — с хутора.

Умею доить коров и пасти овец»

— Вы родились и провели детство в маленьком поселке под Ленинградом. У вас не было комплекса провинциалки?

тор — представляете? На три километра вокруг никого нет. Если мимо дома по тропинке раз в год в деревню Куялово проходил человек — это было событием. В гости я ни к кому не ходила, ко мне тоже никто не приходил. Мне хватало музыкальной школы — по шесть километров туда и обратно два раза в неделю. Я разговаривала с животными, с камнями, деревьями. А вот со сверстниками общего языка не находила, вот откуда комплексы.

— Ваш отец был фермером или же шоколадной фабрике...

— По профессии он был строителем. А на фабрике работал какой-то период, когда я училась в школе со второго класса по восьмой.

— Согласитесь, не последняя должность, особенно для небольшого поселка. Наверное, детство у вас было сладкое во всех отношениях...

— Да, сладкое-шоколадное. Причем не только у меня, но и у всего класса — я вечно всех угощала. А в том смысле, что я была блатной ребенок, — нет. У нас была обычная сельская жизнь. Большое хозяйство: куры, овцы, свиньи. Деревянный дом, зимой дверь завалит снегом — не открыть. Нужно было копаться в огороде, кроликов кормить, коров доить...

— А вы умеете доить корову?

— Умею. Летом пасла овец. Колодец был за полтора километра, воду возили на собаках. Это отец придумал. Когда была война и их сослали на Север, они все возили на упряжках.

— «Сослали» — вы не оговорились? Или это была эвакуация?

— После войны финнам не доверяли, даже «своим», кто жил в России. Их сослали, и многих, кстати, уничтожили. У меня тоже погибли родственники. Я никогда их не видела, но моя тетя — после войны она работала секретарем в сельсовете и долго хранила молчание — показала мне перед смертью их фотографии. Мои дядьки в кожанках. Они работали в ЧК. Их репрессировали.

— Получается, вы — из «неблагонадежной» семьи. Проблемы были?

— Финнов в деревне вообще не любили. В детстве меня называли «чуждой поганой». Когда пришло время получать паспорт, я год не могла его получить, потому что меня не хотели записывать финкой. Говорили: «Тут должны жить русские. А у тебя будут большие сложности, ты не поступишь в институт, а если война — тебя сошлют,

расстреляют, потому что советское государство не может за тебя отвечать». В итоге я записалась русской.

Из-за фамилии меня долго не хотели снимать. Даже на пробы не приглашали. На роль в фильме «Русь изначальная» утверждали под фамилией Иванова. После него я уже и псевдоним себе на всю жизнь придумала — Русова. Но тут началось перестройка, пошла мода на иностранное, и тогда уже моя фамилия сыграла в моей судьбе положительную роль.

— Кондулайнен — это как-то переводится?

— Изначально было Контулайнен, что значит «медведь». В Ингерманландии — так до финской 39-го года называлось то место под Ленинградом, где мы жили, — это была королевская фамилия, как у нас Романовы. А по маме я Гармонщикова. Если сложить, получится медведь с гармошкой — артист.

— Вы много раз говорили, что в детстве комплексовали по поводу своей внешности. Почему? У вас была красивая мама, и вы сравнивали себя с ней?

— Папа был очень красивый. И плюс к тому очень талантливый. У него был поставленный оперный голос, его приглашали петь в оперный театр. Он был артистом от природы, и куда мне было до него? А мама — мама всегда говорила, что я красивая. А я смотрела в зеркало и думала: «Какой кошмар!..» Я до сих пор смотрю и думаю: кошмар! Правда. Мне нравятся, как я выгляжу на экране, а в жизни — нет. И когда меня кто-то узнает, комплексу ютко.

Советскортфильм

«Сто дней до приказа». Когда я увидела это на экране и поняла, что все увидят, как и что у меня расползено до сантиметра, я поняла, что не смогу с этим жить».

«С того света меня вытащила шуба»

— Вот вы говорите, что актрисой хотели быть с детства. И тем не менее сначала решили посвятить себя музыке, в институт поступали на эстрадное, а став актрисой, порывались бросить профессию.

— В театральный я сразу поступать испугалась и решила поступать в музыкальное училище имени Мусоргского. Начала готовиться к экзаменам, но как-то раз зашла к родственникам, увидела там спортивный велосипед, решила прокатиться и повредила руку. Судьба. Я не могла сдавать экзамены. Потом полгода проучилась в институте культуры на дирижерско-хоровом и ушла — скучно стало. Занималась с преподавательницей из консерватории. После чего поступила в Ленинградский институт театра, музыки и кино. На музыкальную эстраду, а затем перевелась на драматическое, где впервые в жизни в спектакле «Ах, эти звезды!» сыграла роль секс-символа — Марлен Дитрих.

Вот так. А когда умерла мама, я поняла, что актрисой быть не хочу и что это и не моя суть, наверное. Что только она меня вдохновляла. И я ушла из театра. С кино сразу «завязать» было сложно, я очень много тогда снималась.

— Если не ошибаюсь, в это же время вы перенесли заболевание, которое могло убить вас не только как актрису, но и в прямом смысле этого слова.

— На съемках одного прибалтийского фильма я получила дозу облучения от Чернобыля. Очень большую дозу. У меня начались жуткие проблемы со щитовидкой. Врачи сказали мне, что я должна умереть.

— То есть как: вам сказали открытым текстом?

— Да. Организм уже перестал бороться, я весила 48 килограммов, не могла двигаться. Мне поставили диагноз «рак», и врачи уже не скрывали, что пытаются просто спасти мне жизнь. Об артистической карьере речи не было — все были уверены, что, если я и выживу, на всю жизнь останусь инвалидом. Я лежала в палате со смертниками, и каждый день из нее кого-то вывозили...

— Что же тогда вытащило вас с того света?

— Шуба. Ко мне в больницу пришла подруга в шикарной лисьей шубе. Представьте себе: кругом болезнь, смерть, и вдруг среди всего этого появляется человек — молодой, здоровый, красивый... и в шубе — это в 86-м году, когда еще ни у кого ничего не было. Я была так потрясена, что во мне вдруг проснулось: боже, как я хочу шубу! Песцовая шуба — вот что меня спасет. Я надену ее и опять буду красивой. Я ведь тогда была такая страшная — настоящий Квазимодо! Шуба вытащила меня с того света.

— Вы купили ее?

— Песцовую — нет. К сожалению, тогда это было слишком дорого. Я купила шубу из каракульки. И снялась с таблеток. Сама. Просто поняла, что могу это сделать, хотя должна была принимать их всю оставшуюся жизнь... А потом та самая «подруга в шубе» уехала в Москву и сказала мне: приезжай. И в моей жизни начался совершенно новый этап, пошла волна успеха.

— Однажды вас спросили: «Не скучаете по Ленинграду?» — и вы так резко ответили: «Нет. Не скучаю. И никогда не хотела бы туда вернуться».

— На самом деле с этим городом у меня было связано много хорошего: студенческие годы, первые успехи на сцене. Спектакли нашего института шли в спорткомплексе имени Ленина — двадцать тысяч мест три раза в день, и билетов было не достать. Их приезжали смотреть из Москвы Эльдар Рязанов, Андрей Миронов... Но Ленинград — это столько обид и разочарований, столько борьбы за то, чтобы быть! Там так трудно реализоваться!

**«Я чувствовала:
за мной гонится невменяемый человек —
и боялась за свою жизнь»**

— Вас долго называли «самопровозглашенным» секс-символом. Хотя, если не ошибаюсь, все было иначе — просто на одной из передач вас спросили: «Лена, как вам в роли секс-символа?» Пришлось что-то быстро ответить, а все в итоге поняли это так, что вы со своим «званием» согласились.

— Да, это было в передаче «Лясы», и у меня, кстати, дома лежит пленка с ее записью, так что все задокументировано. Корреспондентка спрашивает меня, а у меня такая недоуменная физиономия. И потом, когда на празднике «МК», на конкурсе «Мисс грудь», меня представили «Актриса Елена Кондулайнен, секс-символ Советского Союза», я тоже как-то растерялась.

— Вы всегда говорили, что вам было легко раздеться перед камерой...

— Да, был такой азарт, кураж...

— Но знаете, что меня поразило, — ваше признание, что после того, как в картине «Сто дней до приказа» вы были так потрясены, что даже серьезно думали покончить с собой.

— Там была такая сцена, где камера очень подробно меня рассматривает. Когда я увидела это на экране и поняла, что все увидят, как и что у меня расположено до сантиметра, я поняла, что не смогу с этим жить.

— А где вы впервые увидели эту сцену: при монтаже, озвучке?

— Мне не показывали ее до премьеры. Я увидела ее в зале и сидела в таком же шоке, как и все остальные. Если бы не работавший на этой картине во-

дитель... Он вез меня домой и видел, что со мной происходит, что все серьезно и может вылиться в настоящую трагедию. И он дал мне книжку «Таис Афинская», которая помогла мне посмотреть на ситуацию с другой стороны: если раньше красивые женщины приравнялись к богиням, если на них молились, то почему я должна стыдиться своего красивого тела? Конечно, это была просто спасительная палочка, чтобы не погибнуть.

— Вы часто сетовали на то, что со временем имидж «секси» так прилип к вам, что вас перестали воспринимать просто как актрису и стали приглашать на однотипные роли. И в то же время утверждали, что благодаря ему вы стали знаменитой. Так в результате он сдвинул вас или, наоборот, сломал?

— Сломать меня сложно. Я такая гуттаперчевая. Конечно, он где-то испортил мне... Нет, даже не испортил мне жизнь, но очень сильно ее изменил. Я думала: я супербог, сама создаю свой имидж, режиссирую судьбу. А тут жизнь меня стала режиссировать, имидж диктовал мое отношение к ролям, поведение на сцене. Когда люди шли на Кондулайнен, они ждали, что я разденусь, и не хотели меня в другом качестве. Это было ужасно!

Был период, я даже хотела уйти из жизни. Мой имидж — это был туннель, ни шагу в сторону, только — вверх и вниз. Я оказалась на самом веру и хотела, чтобы меня запомнили «на пике». Значит, нужно было уйти из жизни.

— Наверное, было бы проще уйти из профессии.

— А я так и сделала! Тем более что моя реальная жизнь тогда была интереснее кино и театра. А режиссеры все равно не знали, в какой роли я могла бы появиться, потому что как секс-символ я была больше любой из них.

— В любом случае, имидж сделал вас богатой. Говорят, за один снимок или интервью в западном журнале вам платили несколько тысяч долларов.

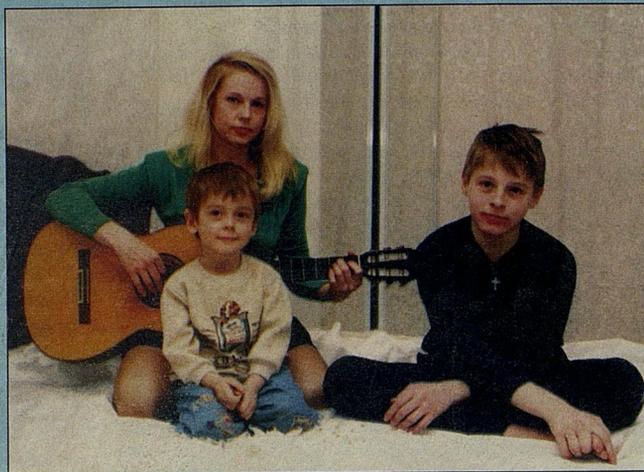
— Это так. Публикация в западном журнале приносила мне несколько тысяч долларов. Я, скажем так, завтракала в «Метрополе», обедала в «Метрополе» и ужинала в «Метрополе». На метро не ездила, у меня была личная охрана.

— К вопросу об охране. В жизни многих западных звезд были люди, которые преследовали их, пытались убить, угрожали из любви к ним покончить с собой. С вами ничего подобного не случилось?

— То, что показывают в западных триллерах, это правда. Я в этом убедилась на собственном опыте. Мне пришлось поменять номер телефона, потому что кто-то звонил и молчал, а потом выдыхал в трубку: «Я тебя люблю». Я чувствовала: за мной гонится больной, совершенно невменяемый человек, и боялась за свою жизнь.

— Тогда и появилась личная охрана? Кто — не скажете?

— Ни с какими агентствами я не связывалась. Один человек — его имени я называть не буду — нанял охрану, которая сопровождала меня из дома, потом в машине. Ему я ничего не платила, хотя он, наверное, и хотел бы этого. Он был заинтересован в том, чтобы я осталась жива.

С сыновьями Мишей и Сашей. «Когда я собираюсь петь, Саша говорит: «Мама, помолчи, не позорься, давай лучше дядю Сережу послушаем».